

# Говард Филлипс Лавкрафт

## Ньярлатотеп

(Nyarlathotep)

Ньярлатотеп... крадущийся хаос... я последний... я произнесу в звучной пустоте...

Уже прошли месяцы и я не могу вспомнить точно, когда все это началось. Общее напряжение было ужасно. К сезону политических и социальных сдвигов добавилось странное и тягостное понимание ужасной физической опасности, опасности широкораспространенной и всеохватывающей, опасности, что можно представить лишь в ужаснейшем из ночных кошмаров. Я помнил: люди расхаживали с бледными, озабоченными лицами, и шептали предупреждения и пророчества, что позже не смели повторить или признать, что слышали. Чувство ужасной вины зависло над землей, и вне пропасти меж звезд проносились холодные течения, заставлявшие людей дрожать в темных и пустынных местах. Демонические изменения коснулись даже течения времен года: неестественная осенняя жара внушала опасения, и все чувствовали, что мир людей, а возможно, и вселенная, вышли из-под контроля известных богов к каким-то иным, неведомым силам.

И тогда Ньярлатотеп вышел из Египта. Кто он, никто не знал, только был он древних туземных кровей и походил на фараона. Феллахи падали ниц, завидев его, хотя никто не мог сказать почему. Ньярлатотеп говорил, что восстал сквозь тьму двадцати семи веков, и что голоса не с этой планеты доступны его слуху. В земли цивилизации пришел Ньярлатотеп, смуглый, стройный и зловещий. Приобретая странные инструменты из стекла и металла, он создавал из них инструменты еще более странные. Он говорил в основном о науках - электричестве и психологии - и демонстрировал власть, вызывавшую призраков, и слава его разрасталась чрезмерно. Люди советовали друг другу увидеть Ньярлатотепа и содрогнуться. И там где проходил Ньярлатотеп, покой исчезал, разорванный потусторонними воплями. Никогда ранее потусторонние вопли не были общественным бедствием, но теперь мудрые люди почти жаждали лишиться сна в те краткие часы, когда стенания города должно быть ужасно беспокоили как бледную, жалкую луну, тускло светившую над зелеными водами, скользившими под мостом так и старые колокольни крошащиеся под уставшим небом.

Я помню, как Ньярлатотеп вошел в мой город - огромный, древний, ужасный город неисчисленных преступлений. Мои друзья рассказывали мне о нем, о прелести и обольщении его откровений, и я горел жаром исследования этих величайших таинств. Мои друзья говорили, что они ужасны и поразительны, стократно превосходя самое яркое из видений моего лихорадочного бреда; что там на экране в полутемной комнате появлялись пророчества, которое никто кроме Ньярлатотепа не смел толковать. И я слышал повсюду намеки, что те, кто познакомился с Ньярлатотепом, видят знамения, которых прочие не замечают.

Стояла жаркая осень, я шел с беспокойными толпами сквозь ночь увидеть Нъярлототепа, шел сквозь душную ночь, вверх по бесконечной лестнице в душную комнату. И тайно следя за экраном, я видел закутанные фигуры среди руин и желтые злые лица, выглядывающие из-за павших монументов.

И я видел - мир сражается против тьмы, против волн разрушения первозданного хаоса, кружась, вспениваясь, биясь вокруг тускнеющего, остывающего солнца. Тогда искры поразительно заиграли вокруг головы наблюдателя, и волосы встали дыбом, и после тени, слишком причудливые, чтобы я мог описать, самовольно ворвались в голову наблюдателя. И когда, я, тот, кто смотрел на происходящее холодно и недоверчиво, пробормотал дрожащий протест: "жюльничество" и, кажется, "статическое электричество", и Нъярлототеп вывел нас всех наружу, вниз по кружащей голову лестнице, в туман, на жаркие, опустошенные полуночные улицы. Я вскричал громко, что я не боюсь, что я никогда не боялся, и остальные кричали со мной. Мы клялись друг-другу, что город остался тем же, и еще жив, и когда электрический свет начал блекнуть, мы проклинали электрическую компанию, вновь и вновь и смеялись над своими гримасами страха.

Считаю, мы почувствовали что-то спускающееся с зеленоватой луны, потому что начали зависеть от ее света, дрейфовали в странном произвольном маршевом построении и казалось, знаем нашу цель, хотя старались не думать о ней. Глядя на дорожное покрытие, мы замечали исчезнувшие плиты, на месте которых теперь пробивалась трава, и ржавые полосы металла там где прежде были трамвайные пути. И вскоре мы увидели трамвай: опрокинутый на бок, одинокий, ветхий. Когда же мы посмотрели на горизонт, то вблизи реки не смогли найти третьей башни и заметили, что вырисовывающийся силуэт второй башни изорван поверху. Тогда мы разделились на узкие колонны, каждая из которых, казалось, движется в различном направлении. Одна исчезла в узкой аллее слева, оставив только отголоски шокирующих стонов. Другая заполнила поросший сорняками вход в подземку, воя безумным смехом. Моя собственная колонна была отеснена на открытую местность, и вскоре я почувствовал холод, который не был жаром осени, потому как мы крались под темной луной и видели вокруг в адском блеске луны зловещий снег. Не оставляющую следов, необъяснимую стену снега, разорванную лишь в одном направлении, где легла бездна казавшаяся еще чернее из-за своих светящихся стен. Казалось, что колонна очень тонка, в то время как она брела во сне в бездну. Я плелся позади - от того, что черная трещина в светящемся зеленым снеге пугала, и думаю, я услышал отзвуки тревожных стенаний, когда мои товарищи пропадали в ней, однако моя возможность отстать была пренебрежимо мала. Как будто мнимый теми, кто шел впереди, я полутонул в титаническом провале в снегу между медленными течениями ужаса и страха, в невидимом водовороте невообразимого.

Кричащие ощущения, молчаливое исступление, лишь боги могли сказать что это. Тошнотворные призраки корчились в руках, что не были руками, и слепо кружились в кошмарной полуночи отвратительные создания, трупы из мертвых миров, язвами которых были города, что склепными сквозняками задевали мертвенно-бледные звезды и заставляли те слабо трепетать. Вне миров смутные призраки ужасных созданий, полуневидимые колонны нечестивых храмов, что покоились на безымянном утесе под космосом и тянущиеся головокружительной пустоте выше

сфер тьмы и света. Сквозь эти вращающиеся кладбища вселенной звучал оглушающий, сводящий с ума грохот барабанов, и тонкий, монотонный, жалобный вой богохульных флейт из непостижимых, неосвященных залов вне времени, мерзкий стук и свист - танец медленный, неуклюжий и нелепый гигантского, мрачного изначального бога - слепой, немой, безумной горгульи, чей дух - Ньярлототеп.

*Перевод: Thrary  
1997 год*